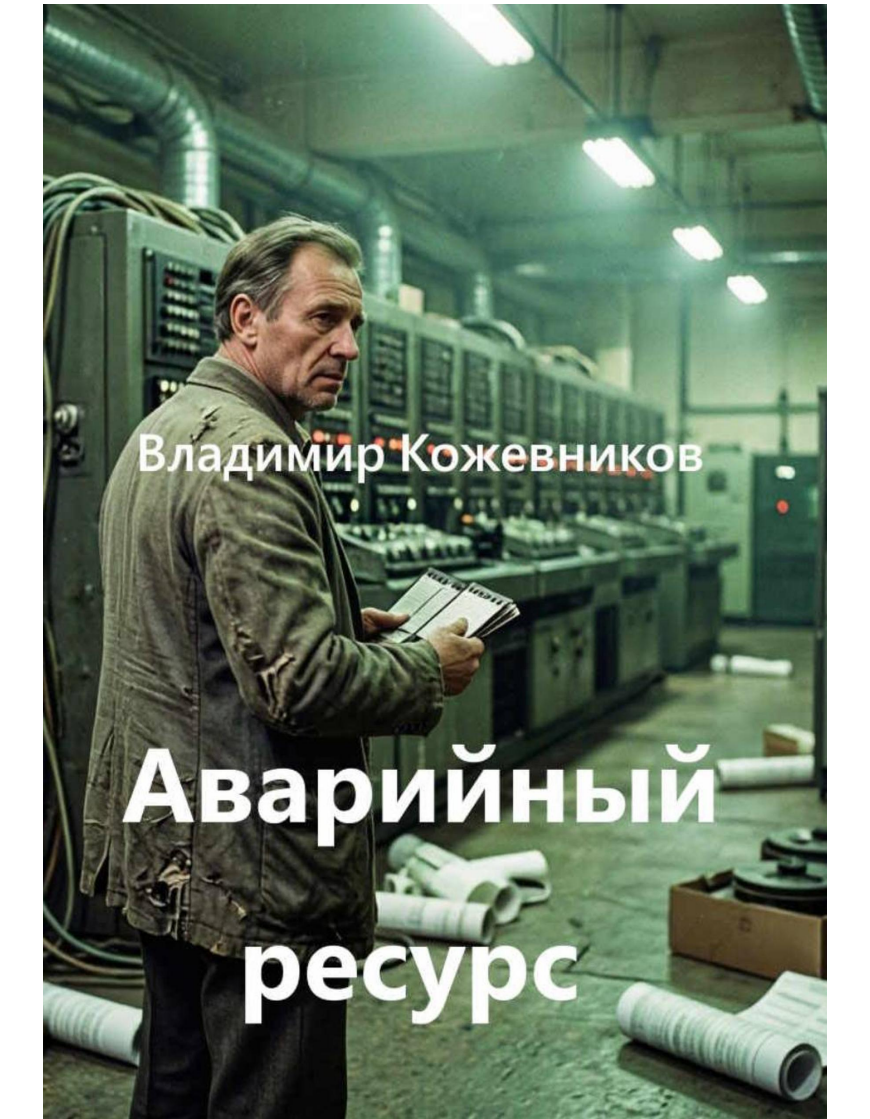

A man with grey hair, wearing a worn, olive-green jacket, stands in a dimly lit industrial workshop. He is looking off to the side while holding a stack of papers. The background is filled with large, dark industrial machinery and equipment. The floor is cluttered with various items, including a cardboard box and some rolled-up papers. The overall atmosphere is gritty and industrial.

Владимир Кожевников

Аварийный ресурс

Владимир Кожевников

Аварийный ресурс

<https://litres.ru/74380557>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николай Савельев, системный аналитик из 2024 года, погибает в автокатастрофе и приходит в себя в теле Николая Громова — заведующего сектором статистики в Министерстве энергетики СССР, спившегося неудачника, которого вот-вот уволят. На дворе 1975 год, Москва. Единая энергосистема страны трещит по швам: чиновники подгоняют отчётность под плановые показатели, аварии замалчиваются, потери в сетях занижаются вдвое. Громов-Савельев, вооружённый знаниями будущего и пониманием математических моделей, видит то, что другие отказываются замечать: через несколько лет систему ждут каскадные отключения и коллапс. Но чтобы его услышали, нужно пройти через лабиринт советской бюрократии, побороть скепсис академика, убедить КГБ и выжить под колпаком слежки. Технотриллер о том, как один человек пытается продать правду системе, нацеленной на бесконечный рост, и о цене, которую приходится платить за знание.

Содержание

Глава 1. Лампы дневного света	4
Глава 2. Бумажный ад	11
Глава 3. Архив и перфокарты	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Кожевников

Аварийный ресурс

Глава 1. Лампы дневного света

Тишина в машинном зале гудела. Этот гул проникал сквозь барабанные перепонки, пульсировал в затылке, смешиваясь с лязгом перфоратора, доносившимся из-за стены. Пахло нагретой пылью, застоявшимся табаком и тем самым сладковатым, тревожным запахом озона, который источает работающее высоковольтное железо.

Николай открыл глаза. Свет был неправильный — мертвенный, зеленоватый, ртутный. Такой свет бывает в больницах, моргах и старых советских НИИ. Он мигал в такт чему-то, что тяжело грохотало под полом.

— Очухался, Николай Степанович?..

Голос — скрип несмазанных петель. Над Савельевым склонилось лицо: кожа в глубоких порых, очки в тяжелой роговой оправе, небритый подбородок. За стеклами — глаза, полные безразличного сострадания.

Савельев попытался вдохнуть и закашлялся. Воздух был спертый, пропитанный кислым запахом перегара, который, казалось, въелся в самую ткань его одежды. Он поднял руку, чтобы протереть глаза, и замер. Рука была не его.

Он знал свою руку. Сорок пять лет. Длинные пальцы, шрам от укуса на костяшке, татуировка на запястье. Сейчас перед ним была чуждая конечность: опухшая, с обломанными, желтыми от никотина ногтями. Кожа на ладони — грубая, как наждак.

Паника поднялась откуда-то из диафрагмы, сжала горло. Он рванулся вверх, сбрасывая колючее казенное одеяло. Тепло слушалось плохо, словно между мозгом и мышцами была вата. Он с ужасом уставился на свои ноги в стоптанных ботинках, на серые мятые брюки.

— Что с вами? — в голосе человека в очках прорезалась тревога. — Сердце? Вызвать скорую?

Савельев с трудом поднялся. Голова закружилась, перед глазами поплыли черные точки. Он вцепился в край стола, ощутив под пальцами холодный металл и липкий слой засохшего кофе.

— Мне нужно... зеркало, — прошептал он, не узнавая собственного голоса. Голос был хриплым, прокуренным.

— Зеркало? — человек в очках нахмурился. — Громов, вы в порядке?

— Где зеркало? — рывкнул Савельев, и в зале, где гудели вентиляторы, на мгновение повисла звенящая тишина.

Женщина с седым пучком молча кивнула в сторону стеклянной перегородки. Савельев, пошатываясь, двинулся туда, чувствуя спиной взгляды — удивленные, любопытные, откровенно враждебные. Он толкнул дверь, вошел, оперся на

холодную фаянсовую раковину.

В мутном зеркале над умывальником на него смотрел чужой человек.

Мужчина лет пятидесяти, выглядевший на все шестьдесят. Одутловатое лицо с глубокими морщинами, мешки под глазами цвета сырой печени. Редеющие, сальные волосы, прилипшие ко лбу. Печать застарелого пьянства и безнадежной усталости во взгляде.

Савельев смотрел в эти глаза и не видел в них себя. Ни одной детали. Ни одной черточки. Он — Николай Савельев, системный аналитик из 2024 года, погиб в перевернувшейся машине. А это тело... оно принадлежало кому-то по имени Николай Громов. Кому-то, кто проиграл жизнь вчистую.

Он открыл кран. Вода была ледяной. Он сунул руки под струю, затем набрал полные пригоршни и плеснул в лицо. Капли попали на серый свитер, на потертый пиджак, висевший мешком. Он снова посмотрел в зеркало. С его чужого лица стекала вода.

Страх не прошел. Он залег на дне, свернувшись клубком, но уступил место холодной, рациональной мысли. Если он попал в 1970 годы (а судя по машине, которая называлась «Минск-32», это они), то у него есть преимущество. Самое ценное преимущество из всех возможных.

Он знает, что произойдет дальше.

Савельев вытер лицо бумажным полотенцем. Оно пахло карболкой и разваливалось на куски. Когда он вернулся в

машинный зал, человек в очках уже был не один. Рядом с ним стоял другой — выше, массивнее, в дорогом, хорошо сшитом костюме, который резко контрастировал с серыми халатами. От него пахло хорошим табаком и властью. В руке он лениво крутил массивную золотую зажигалку.

Но прежде чем Николай успел подойти, его взгляд упал на край стола, где лежала раскрытая папка. Это была сводка по передаче электроэнергии за последний квартал. Цифры, написанные аккуратным канцелярским почерком, выглядели странно: все показатели потерь — восемь, восемь и два, восемь и один — ровные, как строй солдат. Таких совпадений в реальной энергосистеме не бывает. Николай, привыкший к шумным данным, мгновенно понял: это не измерения, а подгонка. В его времени за такое увольняли без разговоров. Здесь, похоже, это было нормой.

Он не успел додумать мысль до конца — человек в очках уже указывал на него Звягину.

— Вот он, товарищ Звягин, — сказал человек в очках с противными подхалимскими нотками. — Полюбуйтесь. Гроза отделов статистики. Спит на посту.

Звягин медленно оглядел Савельева с головы до ног. Взгляд тяжелый, оценивающий, как у человека, который привык решать судьбы.

— Громов, — произнес он тихо, но в зале все звуки стихли, даже вентиляторы, казалось, зажужжали тише. — Ты понимаешь, что я должен сделать? Ты понимаешь, что из-за

твоего запоя и халатности мы уже три дня не можем свести баланс? Что мне звонили из Госплана?

Савельев смотрел на него. Он знал этот тип людей. В 2024-м они носили другие костюмы и говорили о «капитализации», но суть оставалась прежней. Плохие новости для них — личное оскорбление.

— Я понимаю, что вы злитесь, — ответил Савельев, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но я только что видел сводку потерь. Цифры выглядят слишком ровными, чтобы быть правдой. Такое впечатление, что их кто-то старательно причесал.

Звягин удивленно поднял бровь. В зале кто-то ахнул. Кто-то из статистов в сером халате быстро перекрестился. Лицо человека в очках вытянулось от ужаса. Слова о «причесанных» цифрах в этих стенах звучали опаснее мата. Они пахли тюрьмой.

— Что ты сказал? — переспросил Звягин тихо, но в этой тишине было больше угрозы, чем в крике.

— Я говорю, что та статистика, которую мы отправляем в Госплан, — фикция, — теперь уже прямо произнес Савельев, чувствуя, как от подступающего азарта дрожат кончики пальцев. — Это не измерения, а подгонка под план. И я готов это доказать.

Человек в очках нервно хохотнул, но Звягин даже не улыбнулся. Он смотрел на Савельева с любопытством, как смотрел бы натуралист на неожиданно заговорившую лабо-

раторную крысу.

— И что ты предлагаешь, Громов? — спросил он.

— Дайте мне доступ к лентам с телеизмерениями за последние два года, — сказал Савельев, — и три часа машинного времени. Я покажу вам, где именно мы теряем мощность. Там, где, по бумагам, все чисто, на самом деле дыра.

— Дыра? — переспросил Звягин. — Какая еще дыра? Потери при передаче не превышают восьми процентов.

— Восемь — это по бумагам, — усмехнулся Савельев. — В реальности — гораздо больше. Ваши люди не воруют, товарищ Звягин. Они просто не умеют считать. Или не хотят.

В зале снова стало тихо. Так тихо, что было слышно, как жужжит перегоревшая лампа под потолком. Савельев увидел, как женщина с пучком медленно отодвинулась от него подальше, словно от прокаженного. Он переступил черту, и теперь обратной дороги не было.

— Завтра утром, Громов. В восемь ноль-ноль. Кабинет триста четырнадцать, — произнес Звягин, пряча зажигалку в карман. — Если то, что ты расскажешь, окажется пьяным бредом, ты вылетишь не просто с работы. Ты у меня поедешь за Урал, мести снег. Ты меня понял?

Савельев кивнул. Он понял. Он получил шанс. И он знал: если сейчас, в этом прогнившем от вранья и страха ведомстве, он не построит свою систему доказательств, то через несколько лет этот зал, эти лампы и эти люди просто исчезнут в волне техногенных аварий.

— Понял, — ответил он. — До свидания, товарищ Звягин.

Он повернулся и пошел к выходу, чувствуя спиной взгляд начальника. Он игнорировал шепотки. Ему нужно было найти кабинет этого самого Громова. Кабинет, где, возможно, валяются пустые бутылки и кипы перфокарт с ошибками.

Когда он вышел из зала в полутемный коридор, пахнувший хлоркой и старой штукатуркой, то впервые позволил себе вздохнуть полной грудью. Все его тело ныло. Во рту был привкус железа. Но в голове, впервые с момента пробуждения, звучала ясная, как звон колокола, мысль:

«Я покажу им их будущее. И пусть попробуют его не увидеть».

Глава 2. Бумажный ад

Коридор Министерства энергетики был пуст, если не считать далекого грохота лифта и приглушенного стрекота пишущих машинок. Стены, выкрашенные в тусклый зеленый цвет, уходили вдаль, к массивной двери. Николай толкнул ее. Замок поддался, дверь распахнулась, и в лицо ударил запах. Табак, пыль, прокисший чай и что-то неуловимо застарелое, как запах несвежей одежды.

Он щелкнул выключателем. Лампа дневного света загудела, заливая комнату мертвенно-зеленым сиянием. Это был не кабинет — это была свалка, аккуратно замаскированная под рабочее место. Папки, подшивки, россыпь листов на полу, на подоконнике. В центре — стол, заваленный бумагами, среди которых, как надгробный камень, возвышалась пишущая машинка «Ятрань». Рядом — пепельница с окурками.

Николай не стал закрывать дверь. Ему нужен был воздух.

Он подошел к столу, отодвинул стул и сел. Стул жалобно скрипнул. Он оглядел завалы. Это был не просто беспорядок. Это была карта боевых действий. Каждая папка — рубеж обороны. Каждая подшивка — окоп. Громов-предшественник не просто завалил работу. Он отчаянно пытался что-то скрыть.

Прежде чем погрузиться в бумаги, Николай вспомнил ту сводку, что видел в машинном зале. Ровные цифры потерь.

Теперь, оказавшись в кабинете, он решил проверить, насколько систематической была подгонка. Он взял первую попавшуюся папку. «Сводный отчет о потреблении электроэнергии по РСФСР за третий квартал 1974 года». Он пробежал глазами колонки цифр. Показатели были ровными, как клавиши мертвого пианино. Так не бывает в реальной жизни. Реальные данные скачут, в них есть шум, аномалии, выбросы. Здесь же все было вылизано до блеска. Это была не статистика. Это была отчетность для начальства.

Он отбросил папку, взял другую. «Телеизмерения по линиям 110 кВ за октябрь». Здесь цифры были другими. Они плясали, падали, взлетали. И в этом хаосе проглядывала страшная правда. Потери при передаче были в два, а местами и в три раза выше нормы.

Значит, кто-то подправлял данные перед отправкой в Москву.

Николай усмехнулся. Знакомая схема. В 2024 году менеджеры точно так же причесывали отчеты для акционеров. Только здесь на кону были не бонусы, а собственные шеи.

Он встал и подошел к сейфу. Массивный, обшарпанный, с латунной ручкой. Он попробовал дернуть. Заперто. Ключа на столе не было. Николай оглядел комнату. Где бы мог лежать ключ? В ящике стола? В кармане у покойного предшественника?

Он вернулся к столу, начал выдвигать ящики. В первом — пустые бутылки из-под кефира. Во втором — стопка ин-

струкций. В третьем, нижнем, под ворохом черновиков, — бронзовая пепельница, коробок спичек и... связка ключей. Николай взял их, вернулся к сейфу. Один ключ подошел.

Дверца открылась со вздохом, словно сейф не хотел отдавать свои тайны.

Внутри, в образцовом порядке, стояли папки с грифами «ДСП» и «Для служебного пользования». Николай вытащил одну. «Циркуляры по ограничению режимов энергоснабжения в зимний период». Он пролистал. На полях некоторых документов карандашом были сделаны пометки. Тонким, бисерным почерком. Это были не заметки, а крик о помощи. «Не соответствует реальным нагрузкам», «Потери занижены вдвое», «Кто утвердил эти цифры?».

Громов-предшественник знал. Он все знал.

Николай почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это меняло дело. Если предшественник знал о подлоге, его могли убрать. Не уволить, а именно убрать — с помощью водки, создав условия для пьянства. Или он сам заглушал этим знанием страх.

— Ты кто такой?

Голос раздался от двери. Николай резко обернулся. В проеме стоял мужчина лет тридцати пяти, в сером халате, с папкой в руках. Квадратное лицо, короткий ежик волос, настоженный взгляд. На груди — бейдж «Петров А.С., оператор ЭВМ».

— Я Громов, — ответил Николай, не отводя взгляда. —

А ты кто?

— Петров, — буркнул оператор. — Слышал, вы в зале концерт устроили. Правду говорят, что вы Звягину про потери сказали?

Николай медленно закрыл сейф и положил ключи в карман пиджака.

— А если и правда? — спросил он.

Петров шагнул в кабинет, аккуратно прикрыл за собой дверь. Он не смотрел в глаза. Его пальцы, сжимавшие папку, побелели.

— Тогда вы подставляете не только себя, но и весь наш отдел, — тихо произнес он. — У нас уже были проверки. Люди боялись. А вы со своими цифрами всех под монастырь подведете.

Николай смотрел на него. В глазах оператора плескался настоящий, животный страх. Страх человека, который знает, что бывает за болтовню.

— Если бы я хотел кого-то подставить, — сказал Николай, — я бы просто промолчал. Но я хочу, чтобы все мы выжили. Понятно?

Петров сглотнул. Поднял глаза. В них читалось сомнение, смешанное с надеждой.

— Вас Звягин завтра слушать будет. А потом придут из Госплана. Они вас съедят.

Николай вздохнул. Усталость навалилась волной.

— Пусть попробуют, — произнес он без всякой бравады,

просто констатируя факт. — А теперь, Петров, будь добр, расскажи мне, где хранятся перфокарты с исходными данными. Мне нужно с ними поработать.

Петров несколько секунд смотрел на него, как на сумасшедшего. Потом, видимо, что-то в лице Николая убедило его, и он кивнул.

— В архиве, на третьем этаже. Только там бардак похуже вашего.

Николай взял со стола чистый лист и ручку.

— Это не бардак, Петров. Это данные. Нам нужно навести порядок.

Он вышел из кабинета первым, оставив оператора в легком замешательстве. В коридоре снова гудели лампы, но теперь их свет не казался таким уж мертвым.

Глава 3. Архив и перфокарты

Архив на третьем этаже встретил Николая запахом сырости, старой бумаги и въевшейся пыли. Это было длинное, вытянутое помещение с высокими стеллажами, уходящими в полумрак. Кое-где горели тусклые лампочки на проводах, свисающих с потолка. Под ногами поскрипывали доски, и каждый шаг отдавался эхом в глубине, где, казалось, жили только тени.

Петров шел впереди, уверенно лавируя между стеллажами. Николай следовал за ним, стараясь не зацепить торчащие из коробок рулоны перфоленга.

— Здесь все хранится по годам и регионам, — говорил Петров, не оборачиваясь. — Перфокарты с телеизмерениями лежат вон там, дальше. Их за последние два года накопилось столько, что мы уже перестали раскладывать.

— Почему? — спросил Николай.

— А зачем? Все равно никто не смотрит. Отчеты идут наверх, а исходные данные... Они нужны только когда кто-то требует проверки. Тогда ищем. Долго, муторно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.